

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/tolstoy/ayhenv_lev.html.

Жутко приближаться к Толстому - так он огромен и могуч; и в робком изумлении стоишь у подножия этой человеческой горы. Циклопическая постройка его духа подавляет исследователя. Правда, Россия привыкла к Толстому; долго шла она вместе с ним, и трудно было представить себе ее без этого давнишнего незаменимого спутника. Но ведь он открывался России исподволь, постепенно, одну за другою писал страницы своей нетленной книги, и с тех пор, как юный артиллерист несмелой рукою начинающего автора послал Некрасову свои первые рассказы, и до того момента, как в духовном календаре России появилась траурная дата 7 ноября 1910 года, прошло уже скоро семьдесят лет. А теперь Толстого больше нет в живых, теперь он перед нами - полное собрание своих сочинений, весь и целый, теперь он - синтез.

И все же в дальнейшем придется наметить лишь некоторые стороны его великой многосторонности; и, конечно, мы обратим главное внимание на его слова, а не на его обмолвки: надо помнить, что сущность солнца не в его пятнах. Это необходимо оговорить потому, что, привыкнув к Толстому, русское общество не всегда ценило его счастливое присутствие, не всегда дорожило своей народной драгоценностью и больше вникало в его смертные слабости, чем в его бессмертную силу. И вдобавок теперь, когда его отрицание прежней государственной России многим представляется как одна из зловещих причин ее нынешнего падения, нередко возводят на него горькую хулу...

К области силы и Слова принадлежит вся художническая работа Толстого. Это - бесспорное в нем. И он сам дал теоретический намек, позволяющий лучше выяснить ту своеобразность, которая характеризует его как писателя. Он выпустил книжку о Шекспире; в ней великий о великом сказал нечто странное и обидное. Как известно, Толстой не признает в Шекспире сколько-нибудь значительного таланта и мировую славу английского драматурга считает недоразумением, какой-то психической эпидемией. Чтобы доказать, как мал творец знаменитых трагедий, наш критик-художник останавливается главным образом на "Короле Лире". С преднамеренной, так сказать, бездарностью, грубо и аляповато передал он внешний остов пьесы и, действительно, вынул из нее ее глубокую душу. Говоря словами Сальери, "музыку он разъял как труп". Вся высокая поучительность Лира исчезла от этого пересказа, и потускнел трагический образ царственного старика. Нет и детей, идущих против отца; нет и примиряющего, искупительного момента, в силу которого гордый король упал с высоты почета и могущества в самую глубь унижения и познал на собственном страдальческом опыте все людское горе - горе не властелинов, а подданных мира; нет и той необыкновенной ночи, когда от зрелища человеческой неблагодарности дико обезумела сама природа. Вообще, Толстой выступил здесь как разрушитель и посягнул на чужие создания. Они остались, конечно, неразрушенными, и как только вы начинаете читать Шекспира, не нуждающегося в защите, - упреки его русского судьи куда-то исчезают. Но они интересны в том отношении, что в них невольно отражается собственная эстетическая манера Толстого, виден его художнический метод. Замечательно то, например, что автор "Анны Карениной" не любит Шекспира за его пышный язык, полный образов, преувеличений и неистощимой фигуральности, - язык, каким в жизни никто не выражается. Толстому мало того, что у Шекспира есть внутреннее правдоподобие, что у него дан человек, каким он должен и может быть и как он может говорить, Толстому нужна буквальность. Сам он, верный окружающему до того, что не старается даже вымышлять фамилий для своих героев, а просто заменяет, да и то нехотя, Трубецкого - Друбецким, Волконского - Болконским, Лизогуба - Светлогубом, сам он думает, что художественное воплощение жизни достижимо и при том условии, если брать ее в повседневной обыкновенности ее выражений. Как можно вернее списать душу действительности - это бессознательно исповедует Толстой, несравненный художник будней, поэт прозы; точный снимок с реального сам уже дает типичность. В хорошо услышанном и хорошо переданном частном есть уже общее. Шекспир - вне времени и пространства; оттого язык его героев чужд индивидуализации, и речь их не имеет бытового колорита; у Шекспира - люди вообще. Толстой же это общее не хочет и не может отрывать от данности быта с ее живою теплотой. Шекспир оскорбил в нем реалиста; в этом - объяснение той жестокой критики, которой подверг он гениального трагика. И с такой точки зрения в этой критике оказывается уже не одно жестокое, но и нечто привлекательное. Ведь творец "Войны и мира" был не только читатель Шекспира, как мы, - он имел право говорить о нем и как писатель, как собрат, как младший товарищ. И что же? Он в самом деле показал своими произведениями,